УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА

СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ПОГОНЯ ЗА ОРУЖИЕМ

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Седьмая линия

Анастасия Валеева

Погоня за оружием

«Научная книга»

Валеева А.

Погоня за оружием / А. Валеева — «Научная книга», — (Седьмая линия)

Полиция, как правило, недолюбливает частных детективов. Но подчас сотрудникам правопорядка нужно именно их помощь: пропало служебное оружие и найти его может только Яна Милославская, сыщик с экстрасенсорными способностями. И это лишь начало запутанного и головокружительного расследования.

© Валеева А.
© Научная книга

Анастасия Валеева
Погоня за оружием

Утро стояло необыкновенно солнечное и тихое. Изредка лишь несмелый ветерок зыбко трогал сочную листву. Неугомонные стрижи весело щебетали в воздухе, как бы стараясь переспорить друг друга. Порой они взмывали так высоко, что казалось вот-вот кто-то из них пронзит своим маленьким тельцем подушки облаков.

Вера уже давно проснулась. Она нежилась в кровати, безотрывно глядя сквозь окно на небесную лазурь. Вдруг как-то несмело и осторожно скрипнула дверь, и вслед за этим послышалось знакомое, мягкое шарканье тапочек. Шаги прекратились где-то в метре от кровати. Вера запрокинула голову и увидела сына, Кирюху, который, теребя рукав пижамы, не решался подойти к матери ближе, а только издали пытался увидеть, не проснулась ли она.

Поняв, что поток упреков со стороны разбуженных родителей в этот раз на него не обрушится, Кирюха, расплывшись в широкой улыбке, юркнул под одеяло Веры.

Она молча прижала его к себе, в тысячный раз подумав о том, что самое большое счастье на земле – быть матерью.

– Мама, кушать скоро? – перейдя с шепота на разговор в полный голос пролепетал Кирюха.

– Скоро, – глубоко и безысходно вздохнув, произнесла Вера, вставая с постели.

Пошатываясь от легкого головокружения, она неторопливо зашагала на кухню и через двадцать минут на столе уже дымилась стопка румяных, смазанных свежим липовым медом, блинчиков.

Кирюха давно сменил пижаму на традиционные шорты с футболкой и тоскливо поглядывал на янтарные капли меда, периодически прыгающие с верхнего блина на край блюда. Они медленно расплывались, превращаясь в малюсенькие липкие желтые озерца, и мальчишку так и подмывало или слизнуть их, или, по меньшей мере, шустро поддеть пальцем. Однако он отлично знал, что за этим последует, поэтому терпеливо выжидал приглашения к завтраку.

– Чем это у вас так….? – на веранде послышались сначала слова, а потом глубокие принюхивающиеся вдохи. – Печете что ли?

– Ты как всегда вовремя! – крикнула Вера, по голосу узнав, что к ней пожаловала подруга, Ольга Яковлева.

Ольга была знакома с Верой с самого детства. Они ходили в один детский сад, затем учились в одном классе, поступили в один ВУЗ и, благополучно его закончив, пошли работать в ту же школу, в какой учились сами. Были между подругами, конечно, и ссоры, но их период никогда надолго не затягивался.

– А где же Щербаков? – весело и задорно спросила Ольга, переступая порог кухни.

Она имела в виду главу семьи, мужа Веры. Он работал в милиции, участковым инспектором, был, безусловно, человеком занятым, но в это время суток обычно еще находился дома.

Вера брезгливо поморщилась и, обстукивая половник о края кастрюли, протянула:

– А Щербаков у нас в своем репертуаре!

– Что, опять в загуле что ли? – сразу посерьезнела Ольга.

– Угу, – буркнула ей подруга и жестом пригласила к столу.

Вера видела, что Яковлевой не терпится о чем-то ей рассказать. Она понимала также, что Ольга просто не решается это сделать, боясь в сложившейся ситуации показаться кощунственной эгоисткой. Щербакова решила сделать первый шаг.

– Как отпуск-то проводишь? – спросила она, прихлебнув из блюдца горячий чай.

Тут Ольгу как прорвало.

– Ой, мне столько надо тебе рассказать! – воскликнула она.

– Произошло что-то из ряда вон выходящее? – предположила Вера.

– Угадала. Помнишь серьги, в которых я была на Новый год?

– Еще бы!

– Представляешь, я их на даче у Мишиных друзей потеряла!

– А-а-а… – Вера приложила ладони к лицу.

– Подожди ахать! Еще ахнешь, когда узнаешь, как они отыскались.

Серьги, о которых вела речь Яковлева, действительно, один раз увидев, забыть уже было невозможно. Крупные, редкого, пронзительно-синего цвета сапфиры, окруженные золотым кружевом, просто завораживали, особенно когда на них падали солнечные лучи. Многие, позавидовав такому редкому украшению, пускались прочесывать магазины, но все усилия даже самых настойчивых в этом деле оставались тщетными.

Ольга получила серьги в подарок от бабушки, на собственную свадьбу. Она давно мечтала о них, и с нескрываемым восторгом любовалась их магическими переливами, когда бабушка в редкие праздничные дни доставала заветное украшение из шкатулки, и, только вступив в законный брак, стала хозяйкой драгоценности.

От взглядов свидетелей приподнесения дара не ускользнуло горькое сожаление в глазах бабушки. Очевидно, старушке было нелегко расставаться с серьгами. Это и понятно. Украшение было памятью о первой любви, самой чистой и самой сильной, о первом муже Татьяны Александровны Яковлевой. Она вышла за него совсем еще девочкой, семнадцати лет. Николай в то время был уже офицером, офицером Белой Армии, и в качестве свадебного подарка приподнес, тогда еще Танюше, именно эти вещицы.

Николай погиб во время гражданской войны. Татьяна Александровна тяжело переживала эту потерю, но потом как-то все забылось, правду, видно, говорят, что время лечит. Через пять лет бабушка Ольги вновь вышла замуж, однако любовь к Николаю, по-видимому, осталась самым светлым событием в ее жизни, потому что она могла часами рассказывать внукам о том, как первый муж за ней ухаживал, какие он дарил цветы, какие слова говорил и прочее. Закончив рассказ, Татьяна Александровна обычно вынимала из комода заветную шкатулку и, смахнув со щеки бегущую слезу, любовалась серьгами.

Трепетное отношение к украшению передалось от пожилой женщины не только детям, но и внукам, поэтому после смерти самой Татьяны Александровны драгоценность продолжала оставаться самым заветным предметом в семье Яковлевых. Понятно, почему потеря бабушкиного подарка, а затем его находка стали для Ольги настоящей сенсацией.

– Так как же вы их нашли? – спросила подругу Вера.

– Во-первых, мы долго думали, оттуда начинать поиски. Дача огромная, кругом зелень всякая. Я как вечером принарядилась, так до утра в этом виде и оставалась. Гулянка получилась жаркой. Компания веселая была, большая, ну ты можешь себе представить ход событий. Утром просыпаюсь – серег нет, главное – обеих! Стала припоминать – вроде снимала и ложила в карман. А куда они делись из кармана, не понимала. Скорее всего, выпали. Все на меня накинулись: почему так халатно относишься и прочее. А я что? Праздник, весело, в такой ситуации не до здравого ума, сама знаешь.

– Ну ты к главному переходи! – нетерпеливо перебила Ольгу Вера. – Заинтриговала, а сама про ерунду всякую говорит!

– В общем, все мы перерыли, но безрезультатно. Я в слезы. А женщина одна давай меня успокаивать. Не отчаивайся, мол, я знаю, кто тебе поможет, – Ольга встала и налила себе воды.

– И что? – торопила Вера.

– Поехали сразу в Агафоновку.

– Вот это вас занесло-о! – присвистнула Щербакова.

– Цель оправдывает средства. Там экстрасенс одна живет.

– Что это она так далеко забралась? – в голосе Веры чувствовалась нотка пренебрежения. – Они ж какие все? Шарлатанством у народа деньги выманят, а потом квартиры элитные в центре приобретают!

– Так то шарлатаны, а это самая настоящая незаурядная личность, дар у нее особый!

– Правда?

– Угу. Она сначала браться за дело не хотела. Говорит, не занимаюсь, мол такой ерундой. А как выслушала историю этой потери, сразу согласилась. Не бесплатно, конечно, но это того стоило.

– На кофе гадает?

– На картах!

– У-у-у-у… – разочарованно протянула Щербакова.

– Подожди ты укать. Она ж не по-цыгански гадает, а по-своему. И карты у нее не такие, в которые твой Андрей на работе режется, а особые.

– Какие еще особые?

– Ну нет на них королей, дам и всякой этой ерунды. Только символы какие-то нарисованы. Яна сама изготовила эти карты.

– Яна?

– Да, ее так зовут – Яна Милославская.

– Слушай, ерунда прямо какая-то, лохотрон! – не верила Вера.

– Это ты зря. Я тоже сначала отнеслась настороженно, но выхода-то другого все равно не было, поэтому и согласилась на общение с экстрасенсом. Яна руку на одну из карт положила, замерла как-то, а потом спросила, есть ли на даче маки. Мы думали-думали, а потом вспомнили, что вплотную к забору сам собой вырос такой цветок. После этого Милославская сказала, что серьги лежат в метре от него, в высокой траве. Мы все туда. И точно там, где указала экстрасенс, нашли то, что искали. Хочешь верь, хочешь – нет, но так оно и было.

– Ничего себе!

Подруги еще долго обсуждали все подробности случившегося, да и торопиться им, собственно говоря, было некуда: лето – пора учительских отпусков.

* * *

Вера прилегла отдохнуть. Кирюха, насытившись, побежал играть ко двору. Щербаковы жили в стареньком частном доме, стоящем на одной из самых тихих улочек этого района, поэтому детей можно было отпускать на прогулку безбоязненно. Тем более, все соседи друг друга хорошо знали, старушки почти круглосуточно куковали на трухлявом бревнышке под раскидистым кленом, а заодно и присматривали за веселящейся ребетней.

Вера перемыла посуду, притерла полы и почувствовала сильную усталость. Вообще, она была необыкновенно энергичной, все постоянно удивлялись, откуда она черпает силы. Но с недавних пор у нее появилась существенная причина для изменения «поведения» организма: Щербакова забеременела.

Кирюхе шел шестой год. Вроде и пора было подарить ему братика или сестренку, но условия для появления в доме малыша оставляли желать лучшего.

Семья уже несколько лет занималась строительством дома. Дело это, конечно, непростое. Щербаковы – люди небогатые: жена—учитель, муж – участковый милиционер, – поэтому новостройка являлась поистине тяжелой обузой для семьи. Нужно было не только покупать стройматериалы, но и где-то подешевле нанимать рабочих, желательно настоящих профессионалов, а затем умело контролировать их работу: где-то похвалить, а в иной ситуации и неласковое слово сказать.

Все это лежало на плечах Веры. И не только потому, что Андрей уходил в недельные запои. Он вообще был человеком апатичным, без каких-то устремлений, страстных желаний, ярко выраженных жизненных целей. Старенький домишко, в котором обитали Щербаковы, рассыпался на глазах, а Андрея это нисколько не беспокоило. Он с удовольствием продолжал бы в нем оставаться до конца своих дней, глядя, как потолок обещает придавить его к полу.

К счастью, жена его имела иной склад характера: бойкая, вечно неугомонная, работящая. Она была ядром семьи не только как мать, но и как основной добытчик денег.

Школьного учителя, конечно, добытчиком трудно назвать. Но Вера, помимо своих восемнадцати часов в неделю, умудрялась еще и частным предпринимательством заниматься. В ночь под выходные она ездила в Москву за товаром и возвращалась в воскресенье, волоча на себе необъятные сумки с барахлом. Ощутимой прибыли это занятие не приносило: денег в обороте было не больше трех тысяч, товар дешевый, ширпотребовский, тем более средства не позволяли расширить ассортимент. Приходилось также оплачивать работу продавца. Даже если ничего не продано, тридцатку все равно надо было отдавать. Сама Вера за прилавком стоять не могла, поскольку основную работу бросать не хотела. Но и расставание с «базарным» ремеслом являлось бессмысленным, потому что сколько-нисколько, а в кошельке все-таки прибавлялось.

Но и на этом женщина не успокаивалась. С февраля месяца она начинала кропотливо трудиться в теплице, выращивая рассаду помидор, баклажан, перцев, капусты. Все это тоже требовало неимоверных усилий, потому что, кроме традиционного полива и прочего, всю эту уйму саженцев нужно было в определенное время распикировать. В период пикировки Щербакова торчала в теплице до полуночи, с трудом заставляя себя утром подниматься с постели и идти на работу. Зато, начав торговлю рассадой в мае-апреле, Вера возвращалась с рынка с хорошей выручкой, и в итоге могла позволить себе приобрести какую-нибудь крупную вещь.

Что и говорить – крутилась женщина, как белка в колесе. Без поддержки, без взаимопонимания. На мужа махнула рукой. Пыталась как-то перевоспитывать, но вскоре поняла, что бесполезно, и все взяла на себя. А он пользовался этим и, продержавшись месяц, от силы – два, загуливал на неделю, поэтому второму ребенку было не время появляться на свет. Но, как говорится, так получилось. Теперь кормильцем семьи стал только Андрей. Вера, оставшись наедине с мужем, умоляла: «Андрюша, не пей! Не надо. Подумай о нас.» Он кивал головой, но все оставалось, как прежде.

Соседи судачили: «Дура! Бросила бы его, развелась, зачем он ей такой!». Но они-то не понимали, как хорошо было им вдвоем, когда Андрей не пил. По дому помогал: стирал, гладил, ужин мог приготовить. Главное – говорил, что любит. А женщине просто необходимо хоть когда-нибудь, хотя бы изредка это слышать. Да и вообще, сыну нужен отец, каким бы он не был. И женщине одной поднять ребенка чрезвычайно трудно, тем более на такую мизерную зарплату, которую получала Щербакова.

Вера не зря сегодня сказала Ольге, что Щербаков опять в своем репертуаре. Он уже несколько дней не появлялся дома. От коллег Андрея Вера узнала, что ее муж днем работает, а вечером в пикете же расслабляется. Щербакова не бегала, не звала супруга домой, потому что это был уже пройденный этап. Минули те времена, когда загулы Андрея только начинались. Тогда, если он задерживался, Вера шла его разыскивать, пьяного волочила домой, всю ночь плакала. А потом как-то привыкла, успокоилась, потому что поняла, что все пойдет по заранее известному ей кругу. Многие удивлялись, как же он свои затяжные пиршества совмещает с работой, к тому же считается неплохим сотрудником. Веру же по прошествии стольких лет семейной жизни уже ничего не удивляло, хотя поначалу она и была в шоке.

Вот и теперь ей ничего не оставалось, кроме как ждать, когда благоверный придет в норму и явится, наконец, домой.

* * *

– Господа, не слишком ли затянулся ваш перекур? – кричала Вера рабочим, стоя на пороге дома.

Новое жилище Щербаковы возводили там же, где и жили. Двор вокруг их домишки был очень большим, поэтому места для новостройки хватало. Такой вариант строительства таил в себе некоторые неудобства, но все же и плюсы имел тоже: не приходилось никуда ездить да и переселяться к родителям даже на время не хотелось. К тому же, несмотря на бурно идущее строительство, женщине удавалось содержать двор в идеальной чистоте, и он не терял своего прежнего обаяния.

– Все, хозяйка, заканчиваем, – ответил Вере самый здоровый, загоревший до черноты, мужчина.

Щербакова строго следила за тем, как относятся к своей работе нанятые ею люди. И если им приходило в голову побездельничать, она ловко пресекала это.

Мужчины притихли. В этот момент скрипнула калитка, и послышалось шуршание травы, которая мешала ходьбе по узкой тропинке.

– Хозяин пожаловал! – крикнули Вере работники, которым свысока было все видно.

Она встрепенулась. Волна гнева, негодования, ненависти нахлынула на нее. Однако, Вера не имела привычки начинать скандал в присутствии посторонних, поэтому, хлопнув дверью, вошла в дом и стала ждать, когда же, наконец, сможет выплеснуть накопившиеся эмоции.

Андрей вошел, виновато склонив голову. Но что-то еще было во всем его облике, кроме чувства вины, и это насторожило Веру. Она продолжала молчать, хотя обычно в такой ситуации действовала иначе. Молчал и ее муж. Он разулся и прошел в зал. Затем, не снимая одежды, лег на диван и, скрестив ноги, стал смотреть в потолок.

– Ты бы хоть разделся! – едва сдерживая себя от крика, произнесла Вера.

Она презрительно осмотрела засаленную одежду Андрея, всю в пятнах, измятую и дурно пахнущую смесью табака с перегаром.

– Щас, – зло ответил Щербаков.

– Коне-е-е-чно! – Вера постепенно переходила на крик. – Жена постирает, ей делать нечего! Мало того, что вот это дерьмо три дня замачивать надо, – Ще0рбакова дернула штанину грязных Андреевых брюк, – так я еще и покрывало должна буду в хлорке держать?! Неизвестно же, где ты валялся и с кем!

Щербаков вскочил, быстро, по-солдатски, избавился от одежды и лег на диван носом к стенке. Это Веру насторожило еще больше. Обычно муж отвечал криком на крик и после долгих препирательств, в конце концов, просил извинения. Сегодня он, по всей видимости, делать этого не собирался.

– Вот дрянь! – взорвалась Вера. – Ты что, объясняться не собираешься? – она потянула конец одеяла, которым прикрылся Андрей.

– Оставь меня в покое! – бешено заорал Щербаков.

В его лице и голосе было столько агрессии, что женщина решила отступить. Она молча удалилась в спальню и, уткнувшись в подушку, зашлась рыданиями. Вся жизнь в этот момент казалась ей прожитой напрасно, неудавшейся, никчемной и несчастной. Она проклинала тот день, когда познакомилась с Андреем, и саму себя за то, что не сумела ему отказать, согласилась выйти замуж.

– Заткни-и-ись! – послышалось из зала.

Вера сразу вскочила, притянула к себе одеяло и притихла. Она была в шоковом состоянии, потому что так Андрей с ней еще никогда не разговаривал. Наоборот, слезы Веры были

самым сильным оружием. Андрей не мог видеть, когда жена плакала, готов был ползать на коленях, лишь бы она успокоилась. А здесь такое!

«Что-то случилось!» – мелькнуло в сознании Веры, и она решила вопреки всему прояснить ситуацию. Однако, будучи женщиной мудрой, Щербакова понимала – сейчас лучше этого не делать. Надо, стиснув зубы, немного подождать, а потом уже действовать.

До позднего вечера женщина проходила в состоянии беспомощного неведения и с трудом подавляемого гнева. Вера кричала на Кирюху, как только он пытался что-то спросить, и даже один раз влепила ему незаслуженную оплеуху. Мальчишка лег спать со слезами, и Вере даже не хотелось просить у него прощения за обиду, хотя она обычно в таких случаях это делала.

Уже стемнело, а Щербакова все еще не ложилась. Она знала то, что и Андрей не спит. Было слышно, как он вертится с боку на бок, глубоко и тяжко вздыхает. Однако Вера понимала, что бессонница мужа вызвана отнюдь не муками совести.

Желтым конусом падал на стол свет из-под старенького маленького плафона бра. Вера сидела одна на кухне и невольно прислушивалась к незатейливой трели сверчков, каждое лето поселяющихся в лебеде под окном.

Скрипнула дверца холодильника. Вера повернула голову и увидела Андрея, склонившегося над кастрюлями и раздумывающего, что бы перекусить.

Взяв два яйца и пачку маргарина, он направился к плите, чтобы приготовить себе мини-ужин.

– Ешь щи! – остановила его Вера.

– Мне не до этого! – буркнул Щербаков.

– Что случилось?

– Ничего.

– Не ври. Я тебя вижу насквозь, и, если не заметил, научилась это делать довольно давно.

Андрей молчал, и это можно было расценивать, как знак согласия.

– Так что произошло? – настойчиво повторила свой вопрос Вера.

Она предполагала, что настроение мужа как-то связано с неприятностями на работе, но то, о чем он ей поведал, превзошло все ожидания.

– Потерял пистолет, – Щербаков поджал губы и выжидающе посмотрел на жену.

Вера сначала не находила в себе сил сказать что-то, потому что мысли с молниеносной скоростью проносились в ее сознании.

– К-как? – прошептала она.

– Не знаю, – сухо ответил Андрей.

– Дрянь! Ты хоть понимаешь, что это для нас значит? – уронив голову на стол завопила Вера.

– Лучше, чем ты думаешь, – как-то язвительно ответил Щербаков.

– Это все ты! Ты во всем виноват! Сколько раз я тебе говорила, что пьянка до добра не доведет! Ты о детях подумал? Что они жрать-то будут, когда папа останется без работы или – того хуже – в места не столь отдаленные отправится?!

– Ну убей меня, убей! – Андрей ударил себя кулаком в грудь. – Ты хоть понимаешь, что я сам себя сейчас ненавижу?! И что из этого? Удавиться? Тебе легче станет? Не думаю! Не выть надо, а действовать!

Щербаков, быть может, впервые в жизни выказывал потребность в активной деятельности. Вера поняла, что он прав. Ей действительно хотелось сейчас его прибить, причем собственноручно, но от этого, на самом деле, вряд ли кому-то полегчало бы.

– Харитонов знает? – Вера имела в виду начальника мужа.

– Пока нет.

– Вы хоть искали?

– Нет, сложа руки сидели! – с саркастической интонацией ответил Андрей. – Перерыли все вдоль и поперек – ничего! Макаров – не иголка, но найти все равно не удалось!

– Где потерял?

– На даче у Ильича.

Вере захотелось в этот момент запустить в мужа чем-нибудь тяжелым, так как она, беременная, надрывается одна, руководя стройкой дома, а он по дачам разъезжает. Однако в ее сознании всплыла мысль о том, что и Ольга Яковлева потеряла свои серьги тоже на даче. И эта мысль постепенно привела Щербакову к идее посетить пресловутого экстрасенса.

– Что делать будем? – спросил Андрей.

– Кажется, я знаю что.

* * *

– Кто-о? – послышался за окном боязливый и одновременно раздраженный голос Ольги Яковлевой.

– Оль, я это, Вера.

Занавеска задергалась и вслед за рукой, ее открывающей, показалось испуганное Ольгино лицо.

– Верка? Ты? С ума сошла что ли? Двенадцать часов ночи! – Яковлева недоуменно хлопала глазами, глядя на чету Щербаковых сквозь стекло.

Увидев рядом с подругой ее мужа, Ольга, хотя и была сонная, все же сообразила, что гости пришли явно не чаи гонять.

– Что случилось? – тревожно спросила она.

– Да ты в дом-то нас впустишь, наконец?! – рявкнул Щербаков.

Яковлева скрылась за занавеской, и вслед за этим послышалось звонкое шлепанье босых ног о пол.

– Заходите, я Ральфа держу, – скомандовала Ольга после того, как скрипнул засов калитки.

Ральф был чистопородным «боксером» с отличной родословной. Яковлевы воспитывали его исключительно как охранника дома, потому что в последнее время количество искателей цветных металлов по чужим сараям и баням резко возросло. Воровали все: трубы, тазы, баки, посуду и прочее, – и просто угрозами вызова милиции застуканных воров порой трудно было выгнать со двора.

Но отец Ольги, видимо, переусердствовал, занимаясь воспитанием собаки, поскольку Ральф бешено кидался на всех, кроме членов семьи Яковлевых. Именно поэтому сейчас подруге Веры пришлось придерживать собаку, чтобы пропустить ночных гостей.

– Ну выкладывайте, зачем пожаловали, – позевывая, обратилась подруга к Щербаковым.

– Адрес этой Яны Милославской дашь?

– Зачем?

После этих слов Ольга, казалось, окончательно отошла ото сна.

– Всем уже растрезвонила! – послышался из коридора голос разбуженного мужа Яковлевой, Дмитрия.

Выходя замуж, Ольга отказалась брать фамилию супруга, очень гордясь своей, и после этого близкие почему-то стали называть Дмитрия исключительно по фамилии.

– Грызлов проснулся! Сейчас вам достанется! – с шутливой угрозой в голосе протянула Яковлева.

– Вам-то зачем понадобилось общение с темными силами? – спросил Дмитрий, войдя на кухню.

– Хочу в «Дурака» на ее картах поиграть, – ухмыльнулся Андрей, – а если серьезно – нам сейчас не до шуток, у меня большие проблемы на работе. Адрес нужен прямо сейчас. Мы завтра с утра пораньше к ней. Пока доберемся…

До Агафоновки на самом деле было далеко, а экономить время Щербаковым было очень даже нужно.

Ольга посмотрела на Веру и, поняв, что та сейчас не расположена объясняться, все же принесла блокнот и выписала для друзей из него адрес Милославской. Попрощавшись, Щербаковы удалились. Они всю дорогу до дома молчали, но между ними чувствовалось если не взаимопонимание, то какое-то единение.

Андрей лег спать в зале, чтобы не мешать жене своей возней. Но и она в эту ночь не сомкнула глаз, думая о предстоящих трудностях. Только Кирюха мирно посапывал и за всю ночь, наверное, ни разу не перевернулся на другой бок.

* * *

Старенький «Москвичонок» Щербаковых уже долго не заводился, заставляя и без того взбудораженных хозяев еще больше нервничать. Андрей безбожно матерился, но Вера не останавливала его, хотя рядом и стоял Кирюха. Она сама была непротив как следует выругаться.

Наконец, после короткого урчания, послышавшегося вслед за поворотом ключа, раздалось знакомое тарахтение. Щербаковы вздохнули облегченно и стали усаживаться в машину. Больше всех подобные вылазки любил, наверное, Кирюха, потому что Андрей не так уж и часто выгонял машину из гаража. «Москвич» был старым, года семидесятого, поэтому частая эксплуатация приводила к затяжному дорогостоящему ремонту, да и средства не позволяли тратиться на бензин, тем более последнее время он дорожал с каждым днем.

Андрей гнал в этот раз необыкновенно быстро, местами превышая допустимую скорость. Вера попыталась этому воспрепятствовать, но посмотрев на мужа, поняла, что внутри у него настоящий пожар, страстное желание избавиться от тяжелого груза, лежащего на душе. В Агафоновке, правда, Щербакову волей-неволей пришлось это сделать, поскольку состояние дорог там оставляло желать лучшего.

«Москвичу» пришлось попетлять по пыльным, разбитым улицам этой городской окраины, прежде чем удалось отыскать нужную улицу, а потом и номер дома. Жилищем Милославской оказался частный дом, по всей видимости, старый, но довольно добротный и крепкий, выстроенный на совесть. Щербаковы невольно окинули его хозяйским, оценивающим взглядом, поскольку все, что касалось частного жилья, было сейчас для них особенно актуально.

Андрей поставил машину в тени огромного раскидистого дуба, который посадили, наверное раньше, чем возник сам дом. Вера несмело подошла калитке и попыталась ее открыть. Старая ржавая пружина скрипнула, но дверь не поддалась. Скорее всего, изнутри она была закрыта на засов. Щербакова стала стучать щеколдой. Реакция на раздающиеся громкие звуки последовала незамедлительно – воздух прорезал хриплый, возмущенный собачий лай.

– Джемма, кто там? – спросил женский голос, после того, как открылась дверь из дома.

Джемма продолжала лаять, давая понять своей хозяйке, что пожаловали чужие. Собака была полуторогодовалой среднеазиатской овчаркой, привезенной из Туркмении. Ее размеры внушали страх даже самым смелым. На самом деле, Джемма могла справиться со взрослым человеком и в трудных ситуациях всегда выручала Яну, порой спасая от неминуемой гибели. Вот и в этот раз собака была готова защищать хозяйку.

Милославская подошла к калитке и, отодвинув засов, приоткрыла ее.

– Нам нужна ваша помощь, – объяснилась Вера.

Яна поджала губы, о чем-то раздумывая.

– Очень! – настойчиво добавила Щербакова.

Экстрасенс немного отступила от калитки, пропуская гостей вперед. Ее действия повторила и Джемма, которая все это время зорко следила за происходящим.

* * *

Необыкновенный дар, ниспосланный свыше, Яна обнаружила у себя после того, как побыла в состоянии клинической смерти. Несколько лет назад семья Милославских попала в серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама Яна. Ее муж, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Милославская глубоко переживала случившееся, она пролила много слез, но изменить ничего уже было нельзя. Жизнь продолжалась, и возникла необходимость как-то по-новому приспосабливаться к ней. В этом и помог ей необыкновенный, необъяснимый дар. Теперь она должна была заботиться не о своих близких, а о людях, которые обращались к ней за помощью.

Яна редко проводила бесплатные сеансы, хотя в некоторых случаях происходило именно так. Гадание на картах отнимало у Милославской слишком много сил. Столько, что больше двух карт из колоды экстрасенс использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый лимон. Поэтому совмещение какой-то работы с гаданием оказалось невозможным. А, как говорится, хочешь жить – плати деньги. Чтобы их платить, надо как-то зарабатывать. Вот и приходилось Яне брать за свои услуги определенную плату.

Размер ее зависел от конкретной ситуации. В каких-то случаях она была чисто символической, а где-то и довольно внушительной. В общем, стоимость гадания обычно возрастала прямопропорционально сложности дела и тому подобному. Порой, правда, получить упаковочку зеленых сам бог велел: клиентами Яны часто оказывались пресловутые новые русские.

* * *

Милославская провела гостей в свой кабинет. Сама она расположилась в старинном кресле со спинкой из темной бронзы, а гостям указала на диван, обитый дорогим зеленым бархатом. Щербаковы почувствовали себя как-то неуютно, не в своей тарелке, потому что им не так-то часто приходилось находиться в подобной обстановке. Зато Кирюха, по причине своей детской непосредственности, освоился практически сразу. Правда, увидев на стене изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса, он глупо открыл рот и смотрел на него, не отрывая глаз. Отец одернул Кирюху, и тот переключил внимание на другие предметы.

– Можно? – обратился он к Яне, взяв в руки статуетку египетской кошки.

– Если осторожно! – пошутила Милославская, потрепав мальчишку по голове. – Бери, бери.

Вещица эта была дорогой и очень ценной, но отказать Кирюхе Яна просто не сумела, вспоминая, как когда-то этой кошкой тайком от родителей забавлялся ее сын.

После этого в комнате установилось молчание. Щербаков кашлянул и посмотрел на жену, давая понять, что ведущая роль в разговоре остается за ней. Милославская закурила.

– Я вас слушаю, – процедила она, выпуская струйку дыма.

Вера принялась рассказывать, в чем состоит суть их проблемы. Поначалу она чувствовала неловкость, потому что приходилось говорить и о психологическом климате в семье, и о главном недостатке ее мужа – пристрастии к спиртному. Но потом, видя, как реагирует на рассказ Яна, Щербакова осмелилась и начала вести себя более свободно. Она понимала, что важно ничего не упустить, важно суметь доказать, какое горе ожидает семью, если пистолет не найдется.

– На что же вы станете существовать? – произнесла Милославская, проникшись сочувствием к семье. – Разве это возможно – в форме сотрудника органов, при оружии, пьянствовать на какой-то даче? – недоумевала она.

– По закону – нет, а на деле бывает всякое, – процедил Щербаков, – особенно, когда выпьешь лишнего.

Живот Веры был уже довольно заметным, особенно когда малыш начинал двигаться. Яна невольно задержала на нем взгляд. Возможно, именно это обстоятельство подталкивало ее к положительному ответу. В отношении Веры ей было все ясно еще до того, как она рассказала о себе. Милославская чисто интуитивно чувствовала, что перед ней человек честный, волевой, сильный, цельный, настоящая личность. Но она также отчетливо ощущала – эта женщина глубоко несчастна.

Судя по рассказу Щербаковой, было понятно, что основная причина ее несчастливости – загулы мужа. Милославская внимательно посмотрела на него: полная противоположность жены. Андрей еще не успел отойти от долгих дней и ночей кутежа и выглядел не лучшим образом: отекший, с огромными мешками под глазами. Но что-то в этих глазах было такого, что заставляло думать о Щербакове, как о неплохом человеке. От него исходили какие-то флюиды доброты, беспомощности, желания укрыться под чужим крылом и в то же время неумения отказать другим.

Но предчувствия бывают обманчивыми, поэтому Яна решила прибегнуть к помощи карт, предсказания которых никогда еще ее не подводили. Слушая Веру, Милославская взяла с тумбочки заветную колоду и вытащила из нее карту «Чтение». Эта карта помогала экстрасенсу проникать в глубины сознания людей и даже в их подсознание, угадывать тайные помыслы, настроение, ход мыслей.

Рисунок на карте вполне соответствовал ее функциональным возможностям: в самом центре был изображен человечечкий глаз, внутри зрачка которого – голова человека, «содержание» которой гадающий мог легко «раскусить» посредством данной карты. Ну а окружало зрачок символическое изображение расходящихся в разные стороны волн, позади которых сияли широкие лучи, символизирующие мощную энергию.

Яна положила ладонь на «Чтение» и попыталась сосредоточиться. В этот раз она почувствовала тепло, идущее от карты, необыкновенно быстро. Только вначале оно было слегка ощутимым, и Милославская с трудом его улавливала, как бы пытаясь удержать. Затем легкое покалывание начало усиливаться, пока, наконец, экстрасенс не почувствовала, что вся кисть руки окутывается приятным, пронизывающим теплом.

Теперь Яна могла сделать для себя соответствующие выводы, вернее она убедилась в том, что интуиция ее не подвела. Она не сомневалась: Щербаков – человек, действительно неплохой, страдающий от власти над ним зеленого змия и чрезмерно подвластный чужому влиянию, особенно плохому. Милославская улавливала в его сознании слова глубокого раскаяния в содеянном, слова утешения, приготовленные для Веры и тому подобное.

– Я помогу вам, – произнесла она, когда Щербакова закончила свой рассказ и выжидающе посмотрела на экстрасенса.

Вера как-то замялась, а потом нерешительно произнесла:

– Сколько? Сколько нам это будет стоить?

– Не беспокойтесь, больше, чем вы можете заплатить, я не потребую, – Яна потянулась за сигаретой.

Во время самих сеансов она обычно не курила, и сейчас ей нужно было как следует расслабиться, потому что карта отняла у нее уйму сил и энергии. Вместе с тем Милославская чувствовала непонятное напряжение во всем теле. Она назвала Щербаковым чисто символическую сумму, которую они должны были отдать за ее услуги и даже позволила выплачивать ее частями, по мере продвижения дела.

По всей видимости, Андрей был доволен этими условиями: на его лице появилось что-то вроде улыбки. Он с облегчением вздохнул и стал смотреть на Яну с большим доверием. До этого момента Щербаков не особенно желал общаться с гадалкой, воспринимая это только как единственно возможный пока выход из положения, как какой-то шаг вперед. Но его точил червь сомнения: не обман ли все это, не пустая ли трата времени. Теперь же, поняв, что он, во всяком случае, ничего не потеряет, Щербаков был полностью готов к сотрудничеству.

Милославская молчала, ее гости тоже.

– Может быть, кофе? – спросила Яна.

Андрей с Верой переглянулись, но Кирюха, который, проверив все и вся, уже начинал скучать, опередил их.

– Да. Мы хотим кофе!

– Кирилл! – строго одернул его отец, но Милославская уже поднялась с кресла и направилась на кухню.

Яна взяла в руки серебряную джезву и принялась за приготовление кофе. Она чувствовала особое расположение к этим людям и искреннее желание помочь, которое породило страстное желание вновь взяться за колоду прямо сейчас. Но Милославская отлично понимала, что ее необъяснимые силы исчерпаны картой «Чтение», и для их восстановления понадобится по меньшей мере пара часов.

Войдя в кабинет с подносом, на котором дымились четыре миниатюрные чашечки, Яна заметила выражение нетерпения на лицах Щербаковых. Она догадывалась, чего от нее хотят.

– Вы ждете, когда же я начну гадать? – улыбаясь, спросила она.

Андрей ошарашенно посмотрел на жену. В его глазах отлично читался вопрос: «Она что, и мысли читать умеет?» Однако в действиях Яны не было ничего сверхестественного. Просто тревожные чувства переполняли Щербаковых, а скрыть это им не удавалось.

– В общем-то, да, – придя в себя, ответил Андрей.

– Вынуждена вас разочаровать, – Милославская поставила поднос на стол.

– К-как? – вырвалось у Веры.

– Сейчас я вряд ли чем-то смогу вам помочь.

– Но почему?! – негодовал Щербаков.

– Потому что, – Яна прихлебнула из чашечки кофе, – гадание предполагает восстановление растраченных сил.

– И как скоро, как скоро это произойдет? – продолжал Андрей.

– Я и сама не знаю. Буду пытаться. Как получится. Это не зависит от моего желания. Порой мне нужно воспользоваться картами, а они молчат. Это тоже может стать причиной временного бездействия. Но – могу вас успокоить – в конце концов мои помощники сдаются.

– Долго приходится ждать этого конца концов? – Андрей злился и поэтому начинал иронизировать.

– Я думаю, сегодня что-нибудь должно получиться, – поразмышляв ответила Яна, – дело в том, что в день редко удается использовать больше двух карт. Правда, «Джокер» отнимает меньше сил, возможно, им я и воспользуюсь, но не сейчас.

Вера понимала – это тонкий намек на то, что пока в разговоре поставлена точка, и им бы неплохо покинуть дом Милославской, поскольку ей требуется отдых.

– Когда нам прийти? – спросила Щербакова.

– Я сама вас разыщу, когда это понадобится. Оставьте адрес и телефон, если есть, – Яна вынула из пачки бумаг для записей листок и протянула Вере.

* * *

Милославской снилось, будто она лежит в прекрасном тропическом лесу под тенью мангового дерева и любуется висящими на нем тяжелыми, глянцевыми, сочными плодами. Манго похожи на елочные игрушки. Они висят на своих длинных стебельках-нитях и покачиваются, маня к себе Яну. Милославская приподнимается с земли и пытается дотянутся до одного из фруктов. Но ветки манго находятся высоко, и от взгляда в высь у нее начинает сильно кружиться голова. Яна падает, но как-то медленно, плавно. Ее рука, как бумажный кораблик, опускается на воду бегущего рядом ручья. Ручей ласкает руку, но он какой-то теплый и шершавый.

Яна открыла глаза. Рядом стояла Джемма и усердно лизала ей руку, пытаясь напомнить хозяйке, что пора бы уже наложить в собачью миску очередную порцию «Чаппи».

– Дже-е-мма! – разочарованно протянула Милославская. – Такой сон!

Джемма тихо заскулила, как бы оправдываясь перед Яной за свои действия. Волей-неволей Яне пришлось встать с дивана. Поднявшись, она ощутила, что полна сил и энергии, как никогда. Это была даже не бодрость, а какой-то переполняющий тело оптимизм. С каждым шагом все больше хотелось жить, а главное – действовать.

– У-а-а-а… – Яна потянулась и стала смотреть, как ловко выбирает Джемма своим длинным языком из миски хрустящие шарики.

– Работать будем? – весело произнесла Милославская.

– Ав! – хрипло отозвалась собака.

Она всегда так отвечала, когда Яна о чем-нибудь с ней заговаривала. Джемма, безусловно, не понимала смысла вопроса, но то, что с ней советовались, определенно собаке льстило.

Вообще, конечно, Джемма была необыкновенной. И главная заслуга в этом принадлежала Яне. Она прочитала множество книг по парапсихологии и натренировала Джемму выполнять ее телепатические приказы. Порой собаке удавалось следовать им даже на расстоянии.

Милославская прошла в кабинет, села на диван и откинулась на его мягкую удобную спинку. Она попыталась в деталях вспомнить то, о чем рассказывала ей Вера. Какое-то внутреннее предчувствие говорило Яне, что оружие не потеряно. Но где оно – экстрасенс не могла сказать. Андрей был честен, это не вызывало сомнений, но все-таки что-то темное, скрытое, непонятное таилось во всей этой истории.

– Джемма, дай карты, – обратилась Милославская к собаке.

Та послушно засеменила к тумбочке, на которой находилась колода, и подцепила стопку зубами. Однако собачьей ловкости для совершения этого незамысловатого действия не хватило, и некоторые карты шурша посыпались на пол. Джемма посмотрела на них, но все же понесла хозяйке те, которые удалось ухватить.

– У-у-мниица! – погладила Яна собаку.

Она посмотрела на карты. Это были «Да/Нет» и «Царство живых». Последней Милославская пользовалась в том случае, если нужно было узнать, жив человек или он покойник. К счастью, в данном случае этого выяснять не требовалось, поэтому Яна решила поработать с «Да/Нет». К тому же эта карта была сейчас весьма кстати. Больше всего гадалку мучал вопрос: потерян пистолет или нет.

Джемма занималась перетаскиванием упавших карт. Она собрала уже почти все и в ряд выложила их перед Яной, предполагая, что они тоже могут понадобиться.

Милославская благодарно погладила собаку и стала сосредотачиваться. Она посмотрела на символ, изображенный на этом кусочке картона. Все знаки по магическому зову сердца были нарисованы самой Яной черной тушью. Здесь в середине высокой стены из крупных камней распахивались мощные деревянные ворота, открывающие дорогу в неизвестное.

Подобную стену-завесу предстояло сейчас преодолеть и Милославской. Она, как обычно, положила ладонь на карту и стала концентрировать внимание на интересующем вопросе. Джемма, поняв, что сейчас ни одно постороннее движение не должно беспокоить ее хозяйку, послушно улеглась на пол и закрыла глаза.

То же самое сделала и Яна. Так ей всегда было проще настраиваться. Она мысленно многократно повторяла вопрос, мучивший сознание, пока, наконец, не стала улавливать тепло – предвестник долгожданного ответа. Это означало, что карта согласилась на сотрудничество. В глазах стояла темнота, и мириады сверкающих мушек кружились с молниеносной скоростью в одном только им подвластном танце.

Яна еще раз задала вопрос. Она сформулировала его с предельной четкостью и ясностью, отогнав все посторонние мысли, с поразительной настойчивостью и наглостью вторгающиеся в сознание. В этот момент исчезли все звуки: сопенье Джеммы, тиканье часов, шелест клена, росшего прямо под окном. Через минуту Милославской стало ясно: пистолет не потерян, с ним случилось что-то другое. Поскольку в искренности Андрея Яна была стопроцентно уверена, она позволила себе предположить, что оружие у него просто выкрали, когда он спал, будучи пьяным.

Немного поразмышляв над пришедшей в голову идеей, Яна подумала, что, скорее всего, так и произошло. Тем более ощущение чего-то темного, страшного, недоброго преследовало ее, и оно определенно было связано с щербаковской историей.

Несмотря на то, что обеденный сон восстановил силы Милославской, после этого сеанса она опять почувствовала неимоверную усталость. Сердце билось сильнее обычного, но вместе с тем какая-то слабость растекалась по жилам. Подходило время ужина, и пустой желудок давал о себе знать громким непрерывным урчанием.

– Хорошо тебе, – протянула Яна, гладя на дремлющую Джемму, – наелась, а меня вот и покормить некому.

Собака приоткрыла один глаз и непонятливо посмотрела на хозяйку. Минутой позже, уловив краем уха какой-то неслышимый пока человеку звук, Джемма поднялась на лапы и гавкнула на дверь.

– Ну что ты? – успокаивающе произнесла Милославская.

– Гав! – настаивала собака.

Через некоторое время на самом деле с улицы послышалось гуденье мотора какой-то легковушки. Судя по звукам, она сначала снизила скорость, а потом и вовсе остановилась, прямо возле дома Яны.

С трудом преодолевая бессилие, Милославская медленно зашагала к окну, из которого хорошо было видно площадку, простиравшуюся перед воротами. Слегка отодвинув рукой практически непрозрачный тюль, Яна наклонилась к стеклу и увидела у ворот знакомые «Жигули».

– Спокойно, Джемма, Три Семерки пожаловал, – гадалка направилась к двери.

Три Семерки – прозвище одного из старинных Яниных приятелей, Семена Семеновича Руденко. Кличка досталась ему в качестве вознаграждения за пристрастие к одноименному портвейну. Между Милославской и Руденко царили теплые дружеские отношения, хотя встречались они нечасто и в основном по работе. Яна, расследуя то или иное дело, порой была вынуждена обращаться за помощью к представителям органов милиции, каковым и являлся Семен Семеныч. В силу своего характера он до сих пор не мог подняться по служебной лестнице выше старшего лейтенанта, хотя и работал добросовестно.

Руденко, конечно, не всегда горел желанием сотрудничать с Яной, иронически относясь к ее гаданию. Она могла предсказать, что там-то и там находится труп, а он не верил до тех пор, пока лично не убеждался в этом. Однако и после обнаружения покойника искал «земные» причины для объяснения случившегося. Тем не менее, по какой-то ему самому неизвестной

причине или просто из чувства признательности по отношению к Милославской, Семен Семеныч довольно часто рисковал лишиться работы, следуя указаниям подруги.

– Заходи, там открыто, – крикнула Яна, после того как Руденко постучал железной щеколдой калитки.

– Кто в гости ходит по утрам, тот поступает мудро, а кто по вечерам, тот ваще крутой! – начал, как всегда, с шуток Три Семерки.

– Ваще-то, – передразнила его Милославская, – ты не совсем вовремя.

– Что, опять находишься в своем магическом обалдении? – иронизировал Руденко. – Ничего, сейчас мы тебя подпитаем! – он затряс в воздухе пакетом, полным каких-то продуктов.

– И чем же ты собираешься угощать бедную и несчастную даму? – Яна любопытно заглянула в сумку.

– Н-ну… – притворился смущенным Три Семерки, – икры черной и красной нет, зато икра заморская к вашим услугам!

– Как всегда: набор жратвы для голодного мента… – разочарованно протянула Милославская.

– Да ладно тебе, это я так. Самому знаешь ли захотелось, давно не пробовал. А вообще, имеется кое-что и посолиднее!

Друзья уже зашли на кухню, и Руденко выложил на стол на удивление крупную и сочную курицу гриль.

– Это другое дело! – Яна с наслаждением потирала руки.

Несмотря на то, что появление приятеля несколько приободрило Яну, духовное и физическое опустошение, возникшее после гадания, давало о себе знать.

– Сегодня я предоставляю тебе почетную роль кухарки, вернее кухаря, или как там лучше сказать… – превратив все в шутку, Милославская ловко переложила на своего гостя обязанности по приготовлению ужина.

– Мы так не договаривались! Думаешь, я просто так пришел? – шутил Семен Семеныч. – У меня жена с сыном на дачу махнули, а я к женской заботе привыкший, несамостоятельный, решил под твое теплое крылышко на вечерок спрятаться!

– Что я тебе могу сказать? – Яна развела руками. – Мечтать не вредно. Вперед! Овощи, фрукты, майонез и прочее в холодильнике. Действуй.

Пока Руденко колдовал над незатейливыми яствами, Милославская решила принять ванну, чтобы снять напряжение. Она сделала чуть теплую, почти комнатную воду, которая имела свойство бодрить, плеснула в нее пару колпачков любимой розовой пены и погрузила в это чудодейственное озеро ноющее тело.

Яна чувствовала, как силы постепенно начинают восстанавливаться. Иногда она прибегала к помощи аутотренинговых упражнений, самых обыкновенных, известных практически каждому, но сейчас необходимости в этом не ощущалось.

Почувствовав туманящий сознание аромат гриля, разогреваемого в микроволновке, Милославская решила выбраться из ванны, чтобы чего доброго не опоздать к началу скромного пиршества. Она наскоро промокнула тело плотным махровым полотенцем, облачилась в легкий шелковый халат и стала приводить себя в порядок.

– Ваше Величество! Кушать подано, – Руденко настукивал в дверь ванной.

Яна уже была готова предстать перед гостем в надлежащем виде, поэтому сразу после приглашения последовала за стол.

– Как всегда неотразима… – прокомментировал Руденко, оглядев подругу с ног до головы.

Когда приятели принялись за ужин, Семен Семеныч перешел на более серьезный тон.

– Вообще, я хотел тебя поругать.

– За что? – нарочито испуганно спросила Милославская.

– Как за что? Не звонишь, не появляешься… А я должен думать: жива ли? здорова ли?

– Зачем думать, когда можно было давно вот так зайти или позвонить в крайнем случае, – запротестовала Яна.

– У-у-у-у… – Руденко махнул рукой, как будто говорили о чем-то из области фантастики. – Это ты загнула. У меня сейчас на работе такое! Дерут три шкуры. Если не дежурство, так усиление, не усиление, так дежурство. Пашем практически без выходных! Сегодня вот только дали вздохнуть.

– А в чем дело? – Яна заметно посерьезнела.

– Незаконная продажа оружия и ее последствия. Киллер один, например, при устранении известного криминального авторитета, не зная того в лицо, просто покрошил всех посетителей маленького загородного кафе. Не слышала?

– У-у, – отрицательно покачала головой Яна, жуя кусок курицы.

– Еще: двое придурков расстреляли двух милиционеров, несших службу и попытавшихся остановить бандитов для проверки документов. У обоих семьи остались…

– М-м-м… – сочувственно протянула Милославская.

– И это еще не все! – продолжал Три Семерки. – Угрожая оружием, некая группа бандитов выколачивала деньги у теневых дельцов: спекулянтов, скупщиков антиквариата, торговцев наркотиками. В общем, говоря на их жаргоне, делала «разгон». Причем действовали вымогатели нагло и открыто, понимая, что жертва сама грешна перед законом и заявлять не будет.

Милославская перестала жевать и затаив дыхание, слушала Руденко.

– Если все перечислять, ты слушать устанешь. Столько всего за последние пару месяцев! И нам за каждое достается от начальства… Прохлопали, мол, лоботрясы, дармоеды! А эти, последние, еще и форму милицейскую одевали, – Семен Семеныч не на шутку разнервничался, на его лбу выступили крупные градины пота.

Смахнув их, Три Семерки смягчился, но все же не без сарказма сказал Милославской:

– Такая вот работа, это тебе не фокусами карточными заниматься!

Руденко всегда иронизировал по поводу гаданий Яны, она к шуткам такого рода давно привыкла, поэтому отреагировала спокойно. Рассказ о бандитах в милицейской форме привел Милославскую к мыслям об истории исчезновения пистолета Щербакова.

– Слушай, Сема, а чем чревата для мента потеря пистолета? – обратилась она к приятелю.

Руденко поперхнулся и, прокашлявшись, ответил:

– Ты на что намекаешь? На то, что мой рассказ – так, ерунда, бывает и пострашнее?

– Это действительно серьезно?

– Так ты не шутишь? – Три Семерки хотел убедиться в полной серьезности собеседницы.

– Какие шутки, Сема. У меня дело новое. Мент, неплохой человек, пистолет потерял. Вернее, не потерял, его украли.

– Кто-о? – заинтересовался Руденко.

– Не знаю.

– А откуда же знаешь, что украли?

– Гадала.

– А-а-а… – Три Семерки расплылся в улыбке и похлопал Яну по плечу. – Если только так…

– Ну так что ему грозит? – недовольно повторила вопрос Милославская.

– В связи с тем, о чем я тебе рассказал, дело может принять более серьезный оборот, чем это бывает обычно.

– А как это бывает обычно? – не унималась Яна.

– В лучшем случае сотрудник получает строгача, – Руденко провел указательным пальцем по усам.

– Что это такое?

– Строгий выговор. Но, повторяю, в лучшем случае, на который лучше и не надеяться. Если лояльное начальство, если человек считается отличным работником и так далее. Хотя…. – Три Семерки задумался. – Такой исход обычно редок. Чаще всего потеря оружия оборачивается увольнением и соответствующей статьей УК, в которой подробно разъясняется, какое наказание несет сотрудник органов за халатное отношение….

– Понятно, короче посадить могут, – Яна не дала Руденко договорить, потому что он любил распространяться на подобные темы, даже слишком, а Милославской и без того все стало ясно.

– Кофе на этот раз угощать будешь? – Семен Семеныч очень любил, как Милославская готовит этот напиток.

– Разве я могу отказать такому человеку? Только давай договоримся: услуга за услугу.

– Хитрая ты баба! – Руденко засмеялся в усы. – Ну выкладывай, какая тебе услуга требуется.

– Ты говоришь, что торговля оружием на черном рынке процветает. Так?

– Угу.

– Не мог бы ты лично контролировать подозрительных «Макаровых», попавших в поле зрения органов?

– Ты мне, конечно, льстишь, но я занимаю не такое уж важное положение, чтобы быть допущенным ко всему этому.

– Ой, да ладно, у вас есть какие-то свои каналы!

– В общем-то, да. Кстати, разве в этом есть необходимость? Начальство твоего клиента в любом случае будет так поступать.

– Если б оно об этом знало!

– Удалось скрыть? – удивился Руденко.

– Пока скрывает. В течение этого периода ты и мог бы осуществлять необходимый контроль. Ну так как?

– Если честно, у меня и так работы завались. От осведомителей узнали о разгорающемся конфликте между «ореховской» группировкой и «одинцовской». Они свои проблемы часто решают взаимоубийствами, а нам за это – по шапке!

– Ну Се-е-е-ма! – протянула экстрасенс.

– Как расплачиваться будешь? – шутил Три Семерки.

– Кофе, естественно.

– Холя-я-я-вщица! – расхохотался Семен Семеныч. – Ну нападу я на след его «Макарова», дальше что прикажешь делать?

– Передать оружие мне, минуя нежелательные инстанции, – Яна закусила губу, боясь отказа.

– Ишь чего захотела! Планы у тебя наполеоновские прямо! – Три Семерки улыбнулся как-то по-доброму.

Милославской стало ясно, что на Руденко можно в этом вопросе надеяться, и она перевела разговор на другую тему. Стала спрашивать о семейных делах, общих знакомых и прочем. Три Семерки, бурно рассказывая о том или другом, громко хохотал, раскраснелся, видимо, гриль пошел ему на пользу.

– Может по сто грамм? – предложил он, раззадорившись.

– Чего? Твоего любимого портвейна что ли? – иронично произнесла Милославская.

– Хотя бы и его, – парировал Руденко.

Яна прикинула, как долго продлится визит Семена Семеныча, если она сейчас даст свое согласие. Эта идея казалась ей малопривлекательной, тем более после бутылки портвейна Три Семерки трудно было вообще выпроводить, учитывая то, что его семейство возделывает дачу.

– Давай как-нибудь в другой раз, – страясь быть как можно более мягкой, произнесла Милославская, – мне работать нужно.

– Работать? – с издевкой спросил Руденко, зная, что Яна имеет в виду гадание.

– Общаться с картами, если тебе так больше нравится.

– Как хочешь… – разочарованно протянул Семен Семеныч.

В более спокойной обстановке приятели допили кофе, выкурили по сигарете и распрощались, обещая созвониться, как появится что-то новое.

* * *

Утро встретило Яну игривыми, всюду проникающими солнечными лучами. Окна ее спальни выходили на восток, поэтому солнце первым делом заглядывало именно туда. Яркий свет даже во сне заставлял Милославскую жмуриться, пока, наконец, окончательно не разбудил.

Яна лениво приоткрыла глаза. Лучи, запутавшись в паутинном лабиринте тюля, все же выбирались на свободу и начинали шнырять по комнате. Они заставали врасплох многочисленные пылинки, танцующие в воздухе, и те в испуге начинали разбегаться кто куда.

Вставать не хотелось, и Яна решила просто полежать, поразмышлять о прошлом, настоящем и будущем. Больше всего, конечно, в настоящем ее занимала история, рассказанная Верой Щербаковой. Гадание на карте «Да/Нет» определенно не говорило, что же именно произошло с пистолетом Щербакова. Единственное, что было известно – он не потерян. Версия о краже оружия назойливо втиралась в сознание Милославской, требуя по меньшей мере уважительного к себе отношения. Собственно говоря, Яна не имела ничего против нее, просто пока не была полностью уверенной.

Убедиться или разочароваться в данном случае могло помочь только гадание, и Милославская решила покинуть постель, чтобы поскорее приступить к работе.

Перед тем, как взять в руки колоду, Яна вышла во двор, чтобы полюбоваться своими гладиолусами. В этом году они были необыкновенно крупными и яркими, и не радоваться, глядя на них, было просто невозможно. Тем более, что Милославская вообще была неравнодушна к цветам, особенно к этим.

Яна подошла поближе к клумбе и стала внимательно приглядываться к каждому цветку и бутону. Она получала от этого огромное эстетическое наслаждение и потом, гадая, чувствовала себя гораздо более сильной и способной проникнуть в тайны бытия.

Милославская заботливо обобрала завядшие цветочки, полила грядку из огромной пластмассовой лейки и, довольная, отправилась в дом.

Полная сил, энергии и желания жить гадалка взяла в руки колоду и задумалась, с какой картой лучше на этот раз поработать. Она всматривалась подолгу в каждую из них, пока по велению души не остановила выбор на «Взгляде в прошлое».

– Да, неплохо бы узнать, как все обстояло на самом деле, как все проходило, эта их дачная вечеринка, – бубнила себе под нос Милославская.

Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и попыталась сконцентрировать всю энергию, находящуюся в данный момент в теле, в кисти правой руки. Через три минуты Яна уже не чувствовала своего тела. Только ладонь, горячая, как пламя костра, и карта, излучающая этот жар. Сначала перед Яной стало кружиться мутное белое облако, полное людских голосов: смеха, криков, песен. Только звуки, и ничего: ни лиц, ни очертаний фигур. Да и произносимые слова разобрать было невозможно, потому что облако крутилось так быстро, как будто кто-то перематывал аудиопленку в ускоренном режиме.

Еще более сосредоточившись, Милославская стала улавливать запахи. Она брезгливо поморщилась, потому что несло отвратительно: перегаром, табаком и духами. Последнее заста-

вило ее максимально сконцентрировать внимание. Духи! Женские духи! Это несомненно! Запах дорогой, но какой-то вульгарный, резкий, отталкивающий.

Вдруг послышалось громкое щелканье. Облако стало укрупняться, расплываться. Видение приобретало отчетливость. Но изображение увеличивалось с молниеносной скоростью, поэтому рассмотреть людей казалось невозможным.

– Пистолет. Пистолет, – мысленно твердила Яна.

Предметы, кружащиеся в облаке, продолжали увеличиваться, пока взору Милославской не предстал пистолет. Она видела его ясно, во всех деталях. Вернее, это была кобура, внутри которой угадывалось наличие оружия. Вдруг чьи-то ловкие пальцы принялись расстегивать кобуру, осторожно, боязливо. Вор очень нервничал, его руки дрожали. Затем они взяли пистолет и быстро извлекли его из кобуры.

Облако вновь закружилось, изображение стало уменьшаться, вновь с молниеносной скоростью. Но Милославская продолжала оставаться в том же состоянии. Это означало, что карта «покажет» еще что-то. На самом деле, в следующее же мгновение облако раздвоилось и во втором, более маленьком, Яна увидела ту местность, которую ей описала Щербакова. Причем Милославская могла свободно приглядеться к каждой травинке, каждому кустику и листочку. Неведомая сила, казалось, вела ее за собой, показывая, что того, что она хочет отыскать, на этой даче нет.

Совершенно неожиданно все прекратилось. Экстрасенс не могла открыть глаза, потому что чувствовала себя абсолютно обессиленной. Еще бы, карта поработала с полной отдачей, максимально приоткрыв перед Яной таинственную завесу.

Милославская продолжала полулежать, совмещая отдых с размышлениями. Теперь она не сомневалась, что пистолет у Щербакова украден, а не потерян, и его поиски на даче – пустая трата времени. Оставалось выяснить, кого может подозревать сам Андрей, ведь, по его словам, он веселился в кругу людей, достаточно хорошо ему знакомых. Яна запланировала после отдыха обязательно связаться с Щербаковым и постараться прояснить ситуацию.

Сейчас же пределом ее мечтаний был спокойный, глубокий безмятежный сон, поэтому Яна, с трудом поднявшись с кресла, побрела в спальню. Изможденная, она ширкала тапочками так невыносимо противно, что даже Джемма жалостно поскуливала, глядя на хозяйку. Милославская села за туалетный столик и принялась удалять с уставшего лица косметику. Это было для Яны обязательным условием отхода ко сну. Поскольку ее деятельность предполагала довольно частое пребывание в разбитом состоянии, она строго следовала правилу обязательного, независящего от внешних условий, ухода за внешностью, так как в противном случае кожа Милославской очень скоро стала бы напоминать сушеное яблоко.

Вообще Яна была женщиной очень красивой. Причем красота ее являлась какой-то особенной, таинственной и неповторимой. Особая роль в этом принадлежала, конечно, волосам. Черные, густые, блестящие, они просто завораживали взгляд.

Завершив несложную процедуру использованием антистрессового крема для лица, гадалка включила вентилятор и поставила его так, чтобы прохладный воздух мог равномерно распространяться вдоль всего тела. Яна опустилась на кровать и, слегка укрывшись легкой шелковой простынью, закрыла глаза.

* * *

Зная, что утром Щербаков должен был уйти на работу, Милославская запланировала застать его где-нибудь по дороге, чтобы побеседовать один на один. Она не стала звонить, договариваться о встрече, так как предполагала в этом случае невозможность избавления от участия в разговоре Веры. Яна понимала: рядом с ней муж может и не быть полностью откровенным.

Экстрасенс встала пораньше, приняла душ, позавтракала свежесваренным кофе и отправилась в дорогу. Милославская жила в частном секторе, поэтому ей пришлось минут пятнадцать пройтись пешком, прежде чем вблизи показалась трасса, где можно было поймать такси. Впрочем, это только так называлось – «такси». На самом деле, здесь во всю орудовали частные «извозчики». Людей, имеющих возможность позволить себе что-то, кроме общественного транспорта, в Агафоновке проживало отнюдь немного, поэтому желтенькие традиционные «Волги» здесь появлялись исключительно редко. Зато проезжающие мимо автолюбители порой имели возможность подзаработать.

Когда Милославская вышла на обочину и сделала рукой голосующий жест, водитель спешащей куда-то «шестерки» сразу сбавил скорость и, приблизившись к потенциальному пассажиру, нажал на тормоза. Яна не стала торговаться и сразу согласилась на ту цену за проезд, которую назначил частник.

Хозяин машины, окинув Милославскую оценивающим взглядом, включил погромче довольно популярную мелодию, которая Яну бодрила и поднимала настроение. Несмотря на на хороший сон, гадалка все же ощущала в своем организме следы вчерашнего переутомления.

Щербаковы жили на окраине города, причем абсолютно противоположной той, где обитала Милославская, поэтому путь предстояло преодолеть неблизкий. Яна решила заранее расположить к себе водителя «шестерки», чтобы после минуты езды по предполагаемым кочкам окраины он не вышел из себя. Она завела беседу о погоде, затем о ценах на бензин, на запчасти, о дотошных ГИБДДшниках, и через двадцать минут стала для таксиста практически своим человеком.

– Куда теперь? – спросил он в один прекрасный момент.

Яна и сама не знала – куда. Она указывала дорогу до тех пор, пока ориентировалась в местности. На данный момент Милославская не имела представления, где же начинается указанная в адресе улица Маркина.

– Сейчас попробуем это установить, – гадалка выглянула из машины и подозвала поближе идущего мимо прохожего.

– Да вы почти у цели! – добродушно ответил он на Янин вопрос и указал путь.

Милославская предпочла двигаться дальше пешком, потому что судя по словам прохожего, до дома Щербаковых оставалось совсем немного. Она расплатилась с водителем и, пожелав ему всего наилучшего, пошла в направлении нужной улицы. Навстречу ей спешили люди, нервно поглядывающие на часы. Очевидно, они торопились на работу. Яна предположила, что Андрея ей придется ждать недолго, и оказалась права.

Ориентируясь на номера домов, указанные на каждом из них, она легко отыскала жилище Щербаковых. Калитка была заперта изнутри, из чего можно было сделать вывод, что Щербаков еще не вышел. Яна присела на бревно в тени раскидистого дерева, того самого, на котором днем проводили время старушки, и стала дожидаться Андрея. Проходящие мимо жильцы соседних домов откровенно любопытно разглядывали неизвестную им женщину, но по крайней мере ничего не спрашивали.

Минут через десять калитка Щербаковых скрипнула и показался Андрей. Он был серьезен, можно даже сказать озадачен. Кашлянув и надвинув фуражку на глаза, Щербаков торопливой походкой стал удаляться от дома.

– Андрей! – крикнула Яна.

Тот оглянулся и, посмотрев по сторонам, никого не заметил.

– Андрей! – повторила Милославская и поднялась с бревнышка.

– Вы??? – более, чем удивлено, произнес Щербаков.

– Я. Нам надо поговорить.

– Да-да. Но я спешу на работу.

– Кажется, вы можете ее лишиться? – Яна намекала на то, что разговор с ней единственный выход из положения.

– Конечно-конечно. Простите, что я так. Нервы, знаете ли. Но все-таки опоздание для меня сейчас нежелательно более, чем когда-либо. Может, поговорим по дороге?

Милославская одобрительно кивнула головой.

– Кстати, почему вы не зашли к нам в дом? – спросил Андрей.

– Я думаю, Вера сейчас не в том положении, когда ей можно расстраиваться.

Щербаков виновато понурил голову и, помолчав, спросил:

– Ну так о чем вы хотели поговорить? Что-то прояснилось?

В голосе Андрея не было даже и тени надежды, и Милославская поспешила сообщить ему новость.

– Ваш пистолет украли.

– Что??? – вскрикнул Щербаков.

– Украли, – подтвердила Яна, – я в этом на сто процентов уверена.

– Не может быть! – яростно запротестовал Андрей.

– Я вам еще раз говорю – уверена на сто процентов.

Щербаков продолжал все отрицать, и Яне пришлось прибегнуть к старому проверенному методу, который обычно помогал нейтрализовать все сомнения ее клиентов. Она начала в мельчайших деталях перечислять все то, что удалось ей рассмотреть в видении: дачный домик, его окрестности и прочее.

По мере рассказа глаза Щербакова все более и более округлялись. Теперь ему сказать было нечего, поскольку наличие у Милославской сверхестественных способностей было неоспоримым.

– Но кто? – прошептал Андрей.

– Это мы с вами и должны попытаться выяснить в процессе беседы. Расскажите поподробнее, в какой компании вы проводили время.

– Господи, да на них и подумать-то грешно! – возмутился Щербаков.

– Стара, как мир, поговорка «Доверяй, но проверяй!», – вздохнула Яна.

– Да они уж все по сорок раз перепроверены! Уж – Славка Ужев – еще в трезвяке со мной начал работать. Сейчас, если вы не знаете, все вытрезвители позакрывали, поэтому его в ППС перевели. Так вот, он отличный парень, всегда выручал, когда было нужно, и отдежурит, когда попросишь, безвозмездно, и все такое прочее. Шеф – Сергей Шефко – тоже человек проверенный. Был у нас такой случай, когда каждый показал, что он из себя в действительности представляет, и Серега оправдал сложившееся мнение о себе. Тайсон тоже не вызывает сомнений.

– Тайсон? – ухмыльнулась Милославская.

– Угу, – подтвердил Щербаков, – он в юности в секции бокса занимался, за это и получил такое прозвище.

Андрей замолчал.

– А кто же четвертый? – спросила Яна.

– Насчет него и речи быть не может. Это мой друг детства. Вместе в школе учились, на одной улице жили, вместе и дальше пошли, правда сейчас они из нашего района переехали. В общем, часто приходилось друг друга поддерживать.

На самом деле, среди описанных Андреем людей не было ни одного, кто бы мог вызывать серьезные подозрения. Это осложняло ситуацию.

– Может, кто-то посторонний заглядывал к вам на дачу на некоторое время. Спички, например, спросить, соль или еще что-то в этом роде? – предположила гадалка.

– Нет, – однозначно ответил Щербаков, – точно помню: никто не приходил, да и соседние дачи тогда пустовали.

– Ну, может быть, когда вы уснули, кто-то проник в дом? – Яна усердно пыталась добраться до истины.

– Дачу охраняет злая собака внушительных размеров, поэтому тайное проникновение незванных гостей исключено.

Верить в это гадалке не хотелось, потому что раз друзья Андрея не могли быть замешанными в краже, то это сделал кто-то, не участвовавший в попойке.

У Милославской из головы не выходил тот запах дорогих духов, который явился ей в видении. По этому поводу возникли, конечно, некоторые предположения, но никаких выводов гадалка делать пока не стала. Не стала она и спрашивать об этом у Андрея. Просто-напросто Яна надеялась, что во время следующего сеанса этот непонятный момент может проясниться. А в случае чего – придется поговорить с клиентом начистоту. Пока же главное, что Милославская хотела узнать, было выявлено. Среди участников той вечеринки не было тех, кого можно было бы подозревать.

– Скажите Вере, – произнесла Яна на прощание, – что дело продвигается. Ей нельзя нервничать.

Щербаков с Милославской распрощались. Он поспешил на работу, а ей пришлось испробовать все способы «ловли» такси, которые только могут быть, поскольку здесь с этим дело обстояло еще хуже, чем в Агафоновке.

* * *

– Кирюш, как тебе вот это? – Вера развернула перед сыном край рулона симпатичных желтеньких, с маленькими многочисленными грибочками, обоев.

– Класс! – мальчишка завороженно смотрел на пестрый клок бумаги.

Щербакова затеяла небольшой ремонт в детской. До рождения ребенка новый дом не обещал быть полностью обустроенным, а она считала, что малыш должен видеть вокруг себя только прекрасное.

– Мам, помогать можно? – завыл Кирюха.

– Даже нужно, – улыбаясь ответила Вера, маме же тяжело сейчас одной, а ты на данный момент единственный мужчина в доме.

Женщина дала сыну кое-какие указания по выполнению несложных дел, вполне посильных для мальчугана этого возраста, а сама взялась отмерять необходимые куски от рулона. Кирюха, довольный признанием его великой роли в семье, помчался в другую комнату. Тут же зазвонил телефон.

– Мам, трубку взять? – послышался крик Кирюхи.

– Да, – ответила Вера.

Обычно Щербаковы не позволяли сыну этого делать, поскольку он мог серьезному человеку наговорить лишнего. Сегодняшний случай явился исключением из правил.

– Мам, тебя. Папка! – отрапортовал после минуты молчания мальчишка.

Вера поднялась с пола и зашагала к телефону. Беременность с каждым днем ощущалась ей все более тяжелой обузой: энергичной проворной женщине невыносимо было осознавать, что многие посильные дела в этом положении она делать просто не может.

– Да. Я слушаю. Что? Как не придешь? Какая работа?

Звонил Андрей. Он говорил, что непредвиденные обстоятельства не позволяют ему вовремя вернуться с работы, а, возможно, и вообще задержат до утра. Беря во внимание сформировавшуюся в последнее время линию поведения мужа, Щербакова сразу предположила в качестве причины неявки Андрея домой какой-нибудь пикник или очередной день рождения одного из сотрудников. Даже подтверждения его слов присутствующими рядом с Щербаковым в этот момент не могли ее убедить.

– Как я устала от этого! – твердила Вера.

Андрей не хотел об этом говорить, но ему пришлось признаться.

– Вера, я не могу об этом говорить по телефону. Моя задержка связана с исчезновением пистолета, пойми!

Сказанное в такой мере повлияло на реакцию женщины, что она не могла произнести ни слова. В голове возникали всякие предположения, вопросы, утверждения и прочее.

– Я сегодня встречался с Милославской, – поспешил успокоить жену Андрей.

– Как? Что? – посыпались вопросы.

– Говорю же: это не телефонный разговор. Все идет к лучшему, – Щербаков положил трубку.

На самом деле он лгал. С Яной Андрей, конечно, встречался, но самое главное от жены утаил. Как и следовало ожидать, об исчезновении оружия узнало начальство. По существующим, вполне нормальным, логичным правилам его исчезновение утаить практически невозможно. Щербакову еще повезло, что все обнаружилось не сразу.

Андрею пришлось выслушать тираду далеко не лестных высказываний о себе, произнесенных не то что на повышенных тонах – босс Щербакова орал так, как никогда. Все, находящиеся поблизости, замерли, боясь, что и им достанется, попадись они под горячую руку. Щербаков стоял, склонив голову. Ему ничего не оставалось, как рассказать все так, как оно было. После этого начальник, Харитонов семен Данилович, стал кричать еще громче и еще более нелицеприятные слова. Он припомнил Щербакову все прошлые недоработки и даже приписал то, чего и в помине не было. Больше всего Харитонов боялся за свои погоны, поэтому, наверное, ходя из стороны в сторону, периодически их поглаживал.

– Почему сразу не сказал? Я тебя спрашиваю! Почему протянул время?

– Думал найдется, – буркнул себе под нос Щербаков.

– У таких придурков ничего не находится, мать твою! – Харитонов окончательно вышел из себя и ударил кулаком по столу.

После этого воцарилось молчание. Андрей даже не пытался оправдываться, зная, что это повлечет за собой еще более сильный взрыв гнева. Он сидел и смотрел на одну точку в полу. Харитонов, перебирая пальцами, громко и отрывисто стучал ими по столу. Наконец, стук прекратился, и Щербаков всячески настраивал себя вытерпеть то, что за этим последует.

– Значит, так… – многозначительно произнес Семен Данилович и замолчал еще минут на десять.

Молчание было настолько тягостным, что Андрей, сам того не замечая, до боли сжимал кулаки. Он боялся даже взглянуть на шефа и не потому, что трусил, а так как понимал: виноват, причем очень глубоко. Харитонов хрипло кашлянул и, сверлящим взглядом посмотрев на Щербакова, произнес:

– На свой страх и риск я решил пойти на некоторые уступки в отношении тебя. Все мы помним, что в твоей характеристике есть много положительных моментов. На главное, что повлияло на мое решение – Вера и ее сегодняшнее положение. Значит так… Даю тебе два дня на поиски, плюс два выходных: суббота и воскресенье. Итого: четыре дня. В понедельник – пеняй на себя – делу будет дан дальнейший ход. Конечно, одного мы тебя в этой беде не бросим: подключим к поискам лучших ребят. Все-таки связи имеем, осведомителей и так далее. Придется потрясти черный рынок… А ты молись, чтоб из твоего «Макарова» кого-нибудь не забабахали! – последнюю фразу Семен Данилович произнес с особенным пафосом.

Щербаков невольно расплылся в широкой улыбке. Надо сказать, выглядел он довольно глупо.

– Семен Данилыч, да я… да вы же знаете… – Андрей от волнения не мог закончить ни одну из начатых фраз.

Сейчас он возлагал надежды именно на помощь коллег, напрочь забыв о Милославской. Собственно говоря, его доверие к Яне как-то уменьшилось, после того как она с подозрением стала говорить о его самых, можно сказать, закадычных друзьях.

– Но предупреждаю, – неожиданно продолжил свою речь Харитонов, – в случае безрезультатности поисков наказание в отношении тебя будет суровым. Моя поддержка здесь помочь не сможет. Как это так: на работе, в полном обмундировании офицера милиции нажраться и не почувствовать даже, как теряется самое святое! – Семена Даниловича понесло в область патриотических высказываний.

Он был человеком старой закалки и с неподдельной искренностью любил внушать своим подчиненным любовь к Отечеству, гордость за него, счастье самопожертвования во имя Родины и тому подобное.

Щербаков не слушал своего начальника, потому что все, что он скажет, было ему наперед известно. Кроме того, в голове Андрея вихрем кружились сотни разных мыслей, идей, предположений, но они никак не желали выстраиваться в логическую цепочку.

– Что сидишь? Действуй! – раздался раздраженный голос Харитонова, который, по-видимому, уже давно говорил Андрею, что он сейчас должен делать.

– Слушаюсь, – Щербаков отдал честь и вышел из кабинета.

Семен Данилович понял трубку телефона и стал обзванивать подчиненных, давая каждому свое задание.

* * *

Милославская вздрогнула от испуга, услышав неожиданно раздавшийся позади сигнал автомобиля. Она гуляла с Джеммой по Набережной, любуясь на Волгу, и никак не ожидала, что может помешать своим пребыванием здесь какой-то машине. Яна отошла в сторону, но сигнал раздался еще раз. Тогда она обернулась и увидела расплывшееся в улыбке лицо Руденко.

– Семен Семеныч! Не стыдно тебе женщин пугать! – с шутливой строгостью обрушилась на Три Семерки Милославская.

– Таких хорошеньких – не грех! – посмеиваясь, ответил Руденко. – Садись, покатаемся.

Семен Семеныч открыл дверь машины, и Джемма, опережая хозяйку, юркнула в автомобиль.

– Мадам, последуйте же примеру своей любимицы, – настаивал Руденко, глядя на все еще стоявшую в нерешительности Яну.

Милославская села в машину и потрепав Джемму по шерсти, произнесла:

– Наше телепатическое общение прямо выдает все мои мысли! Я только еще раздумываю, как поступить, а она уже чувствует, что хозяйка расположена благожелательно.

– Вот бы мне жену такую понимающую, – тоскливо произнес Три Семерки, – чтоб молчала и всегда угадывала, чего мне хочется. Угадывала и выполняла… – мечтательно добавил Руденко.

– Тебе грех жаловаться, бессовестный, – пристыдила Милославская друга.

– Да, – согласился Семен Семеныч, – сколько волка не корми, а он все равно в лес смотрит!

– Посидим где-нибудь? – предложила Яна.

– Вообще-то, я на работе…

– Знаю я вашу работу, – усмехнулась Милославская, – уж на это всегда часок урвете. Работа – не волк, а произведение силы на расстоянии.

– А я вообще считаю, что работа не хрен, извиняюсь за выражение, сто лет простоит.

– Сема! Ты же знаешь, что я не терплю подобных выражений! – возмутилась Яна.

– Пардон, пардон! Может в «Рандеву» обоснуемся? – Руденко кивнул на кафе, мимо которого приятели в этот момент проезжали.

Джемма облизнулась, будто понимала, о чем идет речь.

– А может поищем что-нибудь более подходящее? – предложила Милославская.

В «Рандеву» собирался определенный круг людей, в который приятели явно не вписывались.

– Брось ты! Надо жить так, как это тебе удобно! – возразил Три Семерки. – Знаешь поговорку: любишь кататься – имей сто рублей? Так вот, мы лучше эти сто рублей здесь прокушаем, чем бензин катать!

– Ты становишься практичным.

Руденко свернул к «Рандеву» и припарковал машину неподалеку от входа.

Официант в кипельно-белой рубашке сразу же памятником встал у столика.

– Мне судака под маринадом и белого вина, – заключила Милославская, передавая меню Руденко.

– Да… Хочешь петь – пей! А я вот и спел бы, да пить на работе не полагается, – завистливо протянул Три Семерки.

Молодой человек, ожидая решения клиентов, продолжал стоять, вытянувшись по струнке.

– Придется выбрать блюдо для трезвенников, – Руденко провел указательным пальцем по усам и посмотрел на официанта, – мне яйца в мундирах и картошку во смятку. А-а-а-а! – он зашелся смехом, но увидев еще более окаменевшее лицо работника ресторана, оправился: – Порцию щей и чаю горячего, с лимоном! Во как мы, – он подмигнул официанту, – чисто по-русски!

Пока работники кафе суетились по поводу осуществления этого заказа, Милославская решила начать разговор на главную, интересующую ее сейчас тему.

– Сем, насчет пистолета нет продвижений никаких? Что, вообще, новенького?

– Ха! Ищи негра ночью!

– Что? Все так безнадежно?

– Нигде ничего! Никто ничего не слышал, никто ничего не видел. В наличии не имеется!

Руденко говорил обрывками фраз, видимо, потому, что эмоции его переполняли. Впрочем, Яна привыкла к тому, что он иногда так высказывался, поэтому прекрасно все понимала без перевода на русский язык.

– Ты хоть знаешь, что по этому поводу не один я беспокоюсь? – с ухмылкой спросил Семен Семеныч. – Начальник твоего Щербакова, Харитонов Семен Данилович, озадачил своих подчиненных, и не своих тоже, до самых костей мозга. «Макарова» уже почти вся местная ментура и ищет.

– Да ты что? – ужаснулась Яна. – Значит, тайное успело стать явным.

– Угу. Так что, если не твоя черно-белая магия, пропал паренек и его ментовская карьера тоже. За это, моя дорогая, каждой твари дают очень ощутимо по харе!

Перед собеседниками появились долгожданные блюда, над которыми змеем клубился ароматный дымок. Руденко без стеснения облизнулся, глядя на чудесный небольшой глиняный горшочек, покрытый сверху подрумяненной лепешкой теста. Он осторожно снял тесто вилкой и втянул ноздрями неповторимый аромат грибного бульона.

– Щи с грибами! Люблю с детства, – прокомментировал Семен Семеныч.

В небольшой, тоже глиняной, мисочке легким перламутром поблескивали свежие холодные сливки. Три Семерки зачерпнул пару ложек и с удовлетворением на лице стал размешивать их в своей посудине. В этот момент Яна пожалела, что не предпочла своей рыбе столь неприхотливое, но в то же время всеми обожаемое блюдо.

– Ты что задумалась? – спросил Руденко, прихлебывая щи. – Переживаешь за судьбу клиента? Подожди, не отчаивайся, может все и образуется.

– Может быть, может быть… – меланхолично протянула Милославская.

Она понимала, что, действительно, вряд ли кто-то, кроме нее, сейчас в состоянии помочь Щербакову, и достала из сумочки карты.

– Ты сюда есть пришла или картами жонглировать? – нарочито возмутился Семен Семеныч.

– Знаешь ли, – вздохнула гадалка, – я предпочитаю рыбу под маринадом в холодном виде, а это, – она кивнула на свою тарелку, – что-то особенное.

– Не буду мешать, у меня ведь есть занятие более увлекательное.

Руденко принялся за страстное уничтожение блюда, а Яна вытащила из колоды карту «Взгляд в прошлое» и вновь решила прибегнуть к ее помощи. На этой карте изображалась устремленная в центр человеческого зрачка многоступенчатая лестница.

Яну не оставляли в покое сомнения относительно того запаха духов, который явился ей в прошлом видении. Именно о них она и собиралась «поговорить» с картами. Сосредоточившись, Милославская положила ладонь на картонку с изображением лестницы, извивающейся серпантином. Лестница устремлялась высоко-высоко и уходила в глубь огромного черного зрачка.

Яна замерла. Она находилась в таком состоянии уже несколько минут, но никакого тепла не ощущала. Руденко смачно прихлебывал щи, и, наверное, это и отвлекало Милославскую.

– Сема! – практически зарычала она. – Имей совесть! Ты не дома!

– А че? Я ниче! – шутя, придурковатым тоном ответил Три Семерки.

– Вспомни о правилах приличия и ешь, не издавая лишних звуков, – Милославская погрозила другу пальцем.

Несмотря на шутливость, Семен Семеныч все же стал уплетать более сдержанно. Яна вновь положила руку на карту и стала концентрировать свое внимание. «Духи. Духи,» – твердила экстрасенс. Видение пришло к ней внезапно, неожиданно, не пришлось даже «прислушиваться» к мерцающему где-то вдалеке теплу. Вдруг как-то сразу все стало простым и доступным. Она определенно видела лица людей. На черты были расплывчатыми, неуловимыми. Однако не возникало сомнений, что явившиеся образы – женские.

Значит, Щербаков давал ложные сведения: он пиршествовал в компании не только четверых друзей. Без сомнений, друзья-товарищи ублажали себя весельем в женском обществе. Через несколько секунд картина, представшая перед Милославской стала проясняться. Теперь она с непогрешимой точностью могла описать лица присутствующих на даче дам.

Как ни странно, их тоже было четверо. О семейном положении друзей Андрея Яне ничего не было известно, а вот он сам в этот вечер явно отдыхал от Веры. Судя по внешнему виду девиц, можно было сказать, что они, как говорится, особы легкого поведения. Броская косметика, прически, маникюр, одежда – все говорило о справедливости этого предположения.

Однако, на одних только предположениях нельзя основывать окончательные выводы, поэтому Милославская не стала зацикливать на них внимание. Она зафиксировала в памяти все детали внешнего вида женщин и попыталась «рассмотреть» остальных членов компании. Однако, карта не слушалась, вновь и вновь возвращала Яну к тем фрагментам, которые она уже видела. Гадалка попыталась задавать недвусмысленные вопросы, но дело все равно дальше не шло. Тогда Яна вернулась в нормальное состояние.

Казалось, глаза окутала какая-то пелена, заволокла мутная оболочка. Лицо улыбающегося Руденко расплывалось во что-то необъятное, голос доносился откуда-то издалека. Яна понимала, что виной этому сильное головокружение и упадок сил, но она также знала – все придет в норму.

– Со-о-о-у-о-к! – заурчало рядом с гадалкой.

Она открыла глаза, которые сомкнула, чтобы быстрее восстановить силы. Непонятный предмет предстал пред Милославской в виде расплывчатого красного пятна. Три Семерки, перепуганный до смерти, стал трясти Яну за плечи.

– Выпей сок! Выпей сок! – слышала она уже довольно отчетливо.

В то же время рядом раздавалось:

– Мадам-то с двух бокалов вина наклюкалась! Ха-ха-ха-ха!

По-видимому, все официанты собрались посмотреть на это невиданное зрелище. В принципе, если бы не излишне взбудораженный Руденко, никто бы и обратил на происходящее внимания. Ведь не первый раз такое с Яной было.

Собравшись с силами, Милославская протянула руку к бокалу и, с трудом его удерживая, поднесла к губам. Содержимое бокала было прохладным гранатовым соком. С жадностью обессиленная женщина опустошила сосуд и сразу почувствовала прилив сил.

– Сема, все в порядке, – протянула она, – выйдем отсюда.

– Тебе плохо? – Семен Семеныч, склонившись над Яной, глупо хлопал глазами.

– Мне нормально! Выйдем отсюда! – процедила Милославская, уловив на себе ядовитые взгляды работников кафе.

Руденко взял приятельницу под руку и помог ей подняться с места.

– Ну ты даешь, елки-палки! – воскликнул он, вытирая пот со лба, когда они сели в машину.

Тут на бедного старлея обрушился бурный поток гневных слов.

– Ну знаешь, Сема, ты выставил меня настоящей идиоткой!

– Да я испугался, е мое! Ты же мне не чужая, в конце концов! Глаза закрыла, не шевелишься.

– А кричать-то зачем? Ты когда устаешь, глаза закрываешь?

– Причем здесь это? Я же в ресторане не откидываюсь!

Руденко раскраснелся, стал размахивать руками. Яна поняла, что он совершил глупость, на самом деле, из добрых побуждений, из искренней дружеской любви к ней, влекомый благородными намерениями.

– Ну ладно, не будем больше об этом, – остановила Яна поток оправданий, – только не пугайся так в следующий раз, хорошо?

– Надеюсь, при жизни мне не придется еще раз выступить в роли свидетеля подобных фокусов. Ограждай, пожалуйста, мое ранимое сердце от подобных душещипательных сцен.

Милославская засмеялась, видя, что и Три Семерки уже находится в более или менее нормальном расположении духа. Джемма, все это время послушно дожидавшаяся хозяйку в машине, непонятливо поглядывала то на нее, то на ее друга.

– Нам пора, – Яна приоткрыла дверцу машины.

– Да я подвезу, – остановил ее Руденко.

– Нет-нет. Нам как следует погулять надо! – Милославская ласково погладила свою собаку. – Сем, ты не забывай о моей просьбе насчет пистолета, хорошо?

– Хорошо, но я не очень-то надеюсь, что будут какие-то положительные результаты.

– Но ты постараешься? – Милославская хитро улыбнулась.

– Куда ж я денусь! – в тон ей произнес Семен Семеныч.

Приятели распрощались, договорившись объединить усилия в отношении этого дела. Руденко поехал по своим делам, а Милославская направилась прогуливаться по Набережной. Ей на самом деле хотелось сделать такой подарок Джемме. Да и прогулка по берегу реки положительно влияла на ее общее состояние, тем более после сеанса гадания, прошедшего так тяжело.

Естественно, гулять просто так, отдыхая мыслями, Милославской удавалось в исключительно редких случаях. Так получилось и в этот раз. Видение заставляло думать о себе и тща-

тельно анализировать все фрагменты. Главный вопрос, который сейчас мучил гадалку – что это за женщины, и имеют ли они какое-то отношение к исчезновению оружия. Факт невинности приятелей Андрея заставлял подозревать таинственных особ женского пола. Самым простым и верным способом выяснения этого обстоятельства была беседа с Щербаковым. К тому же не мешало бы расспросить у него поподробнее, как прошло объяснение с начальством.

Яна решила нагрянуть к Щербаковым в гости. Конечно, она не собиралась сообщать Вере все убийственные для нее подробности видения. Однако, в свете последних событий Андрей вряд ли мог вернуться с работы в обычное время, поэтому дожидаться его лучше всего было именно таким образом.

Милославская еще с полчаса погуляла по Набережной, потом поймала такси и отправилась домой. Она с особым наслаждением приняла душ, и, растянувшись в кресле, выкурила пару сигарет. Чашка горячего кофе еще более взбодрила Яну и подтолкнула к активным действиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.